

«Мысли для истории Отечественной войны» — незаконченный план книги Н.М. Карамзина о войне 1812 г. (по материалам библиографических указателей)

В 1996 г. исполняется 230 лет со дня рождения и 170 лет со дня смерти выдающегося русского прозаика, поэта, журналиста и историка Н.М.Карамзина, являвшегося одной из центральных фигур русской культуры конца XVIII – первой четверти XIX в. Его имя связано едва ли не со всеми важными событиями этого периода и, безусловно, с Отечественной войной 1812 г. Личность Карамзина, его произведения оказали влияние на становление мировоззрения представителей разных слоев русского общества XIX в.

Н.М.Карамзину в разные годы давались самые противоположные характеристики. Его называли «русским Титом Ливием», литературным «пастырем и патриархом»ⁱ и самым консервативно настроенным историком. Одни говорили о «резкости» его политических позиций, другие — о «реакционности»ⁱⁱ. Либеральная и демократическая дореволюционная пресса «обличала» Карамзина, видела в нем представителя враждебного лагеряⁱⁱⁱ, писала, что Карамзин рекомендовал программу застоя, в то время как его произведения и при жизни историка и после его смерти попадали в опалу официальных властей.

Яркие строки оставили о Карамзине представители русской литературы. А. С.Пушкин писал об его «Истории государства Российского» как о «красноречивых страницах, написанных со всею искренностью прекрасной души, со всею смелостью убеждения сильного и глубокого»^{iv}. В. А. Жуковский стихотворными строками выразил свои чувства:

О, как при нем все сердце разгоралось!
Как он для нас всю землю украшал.
В младенческой душе его, казалось,
Небесный ангел обитал.

«Карамзин представляет, точно, явление необыкновенное. Вот о ком из наших писателей можно сказать, что он весь исполнил долг, ничего не зарыл в землю и на данные ему пять талантов истинно принес другие пять...Никто кроме Карамзина не говорил так смело и благородно, не скрывая никаких своих мнений и мыслей», — писал о нем Н.В.Гоголь.

В 1880 г. И.А.Гончаров назвал его «первым учителем в развитии гуманизма вообще в нравственной сфере»^v. Не менее яркие характеристики личности и внешности Карамзина оставили его современники.

Язвительный А.Ф.Воейков писал о молодых годах Карамзина, когда тот еще не был историком–затворником, а отдавал обильную дань сердечным похождениям, являясь франтом на питербургских балах «в модном фраке и с шиньоном и гребнем на голове, с лентами на башмаках»:

От любви сумасшедших
В список бегло я взглянул
И твоих проказ прошедших
Длинный ряд я вспомню
Карамзин, Тит–Ливий русский!
Ты как Шаликов вздыхал,
Щеголял как шут французский,
Ах !..Кто молод не бывал^{vi}.

По свидетельству И. И. Дмитриева, Карамзин был принят везде с распростертыми объятиями: «Женщины, которых он во всех сочинениях являлся поклонником...не оставались у него в долгу — красавец собою, любезник, стихотворец, он считал победы за победами, и расплачивался посланиями “К Филлиде”, “К прек-расной”, “К Аглае”, “К верной”, “К неверной”, “К Хлое”, “К Делии ...”. Его признание того времени: “Любовь сильнее всего, святее всего, несказаннее всего”»^{vii}. А вот другой, более поздний Н.М.Карамзин из детских воспоминаний графини А.Д. Блудовой: «Вот, наконец, и душа всего отцовского круга, пленительный, почтенный образ Карамзина, с его статным ростом, тонкими благородными чертами, плавною спокойной походкой и развевающимися на ходу жидкими седыми волосами. В ней рисуется предо мною поныне какая-то особенная гармония в выражении, в голосе, в движениях, во всей наружности, она поражала даже двенадцатилетнюю девочку, не понимавшую в нем внутренней гармонии всех мыслей и чувств его нравственной природы»^{viii}.

«У нас здесь праздник за праздником. Для меня же лучший из праздников: присутствие здесь нашего почтенного Николая Михайловича», — пишет в письме от 18 февраля 1816 г. В. А. Жуковский к И. И. Дмитриеву^{ix}.

Жизни и творчеству Карамзина посвящено множество работ историков, литераторов, общественных деятелей, в том числе два библиографических указателя. Один из них создан к 100-летию его литературной деятельности (1783–1883 гг.) С.Пономаревым в 1883 г. Он включал в себя 627 номеров названий произведений Карамзина и литературы о нем^x. В предисловии к указателю автор писал: «Вот уже исполнилось сто лет с начала его(Карамзина) литературной деятельности (1783), вот 57 лет проходит после его смерти, а мы до сих пор не имеем ни полного собрания его сочинений, ни достойной его биографии, ни беспристрастной установившейся оценки его произведений»^{xi}.

В 1996 г. научно-библиографический отдел Государственной публичной исторической библиотеки России закончил работу над созданием фундаментального библиографического указателя, продолжившего работу Пономарева. Этот указатель под названием «Николай Михайлович Карамзин: Указатель трудов, литературы о жизни и творчестве, 1883 –1993 г.»^{xii} должен быть сдан в печать в конце 1996 г. Работа включила в себя 2500 русских названий и около 300 иностранных, в том числе исследования, созданные в послереволюционный период. Нужно отметить, что и советские историки не рассматривали личность Карамзина однозначно. П.А.Гуковский назвал Карамзина «консервативным сентименталистом, постепенно перешедшим в лагерь реакции», Н.И. Мордовченко писал о его положительной роли в истории русской культуры, а Г.П.Макогоненко доказывал, что «карамзинского периода» вовсе не было. Статьи и книги посвятил жизни и творчеству Карамзина Ю.М.Лотман, рассматривая его биографию во всем многообразии событий XVIII–XIX вв., не давая резких характеристик, оторванных от реалий тех лет.

Как уже отмечалось выше, личность Н.М.Карамзина связана со многими событиями конца XVIII–первой четверти XIX вв., в том числе с Отечественной войной 1812 г. — ярчайшей страницей русской истории, оказавшей влияние на состояние русского общества в целом на многие последовавшие за ней десятилетия. Большинству читателей, знакомых с творчеством Карамзина-историка, он известен прежде всего как автор «Истории государства Российского». Действительно, 31 ноября 1803 г. специальным указом Александра I Карамзин получил официальное звание «историографа».

Он, по словам П. А. Вяземского, «постригся в историки». Его многолетний домашний постриг при работе над «Историей» представляется многими историками как подвиг летописца, посвятившего всего себя прошлому и отошедшего от текущей литературно–общественной жизни. Однако перу Карамзина принадлежит еще одна работа, доказывающая, что современные ему политические и исторические события привлекали к себе внимание историка. Речь идет о посмертно напечатанных заметках под заглавием «Мысли для Истории Отечественной войны» — незаконченный план так и не осуществленной работы Н.М.Карамзина. Они были найдены в его архиве и опубликованы в 1862 г.^{xiii} Заметки не привлекли внимание дореволюционных историков, что можно проследить по библиографии Пономарева. Историю их создания можно изучить, только пользуясь мемуарами, письмами, архивными материалами. Исследуя литературу с 1883 по 1993 г., можно сделать вывод, что подробно об этой работе писали только два автора: К.В.Пигарев в статье «Неосуществленный замысел Карамзина»^{xiv} и А.Г.Тартаковский в ряде своих работ^{xv}.

Заметки Н.М.Карамзина представляют собой восемь пунктов явно незаконченного плана.

1.Смотря на географическое положение Франции и России, судя по обыкновению издавна причинам войны между европейскими державами, кто бы за четверть века пред сим вообразил, чтобы Франция и Россия могли непосредственно ударить одна на другую? Казалось, что они могли иметь войну только политическую, кабинетную, или в Константинополе, или в Вене, или в Берлине. Экспедиция французская к Данцигу при Анне; марш наших к Рейну под начальством Репнина. Ничтожность первой, пустой блеск второго^{*1}.

2.Так справедливо судили: ибо надлежало перемениться всему политическому состоянию Европы, чтобы сия война могла быть действительно.

3.Революция: ее причины, изменения и прочее.

4.Характер Наполеона; его история, постепенность. Случаи несли его на плечах: он делал ныне, чего не предвидел и не думал вчера.

5.Ошибка кабинетов.

6.Политика России: Аустерлиц, Тильзит, Эрфурт.

7. Гишпания: первый камень преткновения.

8. Наполеон не хотел войны с нами так скоро, хотя и готовил нашу погибель^{xvi}.

По мнению А.Г.Тартаковского, план Карамзина — самый значительный историографический замысел описания событий 1812 г. Карамзин задумал историческое сочинение, в котором описание войны 1812–1814 гг. давалось на широком фоне политической и дипломатической истории Европы, с кануна Французской революции вплоть до взятия союзными войсками Парижа^{xvii}. По мнению К.В. Пигарева, заметки Карамзина представляли собой не случайные записи, а план книги, которую он обдумывал под впечатлением Отечественной войны 1812 г. В конце 1930 г. Пигареву удалось приобрести у коллекционера–антиквара В.Н.Морозова письма известного литературного деятеля первой трети XIX в. Д.В.Дашкова(1788–1839). Воспитанник благородного пансиона, поклонник Карамзина, русский государственный деятель, министр юстиции, Дашков принимал активное участие в борьбе карамзинистов и шишковистов. Письмо Дашкова, адресованное Д.Н.Блудову и

* Имеется в виду выступление России на стороне Австрии против Франции в так называемой войне за австрийское наследство. Движение русского корпуса под начальством В.Н.Репнина к берегам Рейна, вынудившее Францию приступить к переговорам с Австрией, завершившимся подписанием Аахенского мира 1748 г.

К.Н.Батюшкову(от 28 окт. 1814 г. из Спасска Рязанской губернии), значительно расширяет те восемь пунктов заметок Н. М.Карамзина, которые опубликованы. Дашков пишет: «Пробыл в Москве только три дни. Однако ж успел там видеться со всеми, успел быть всякий день у Карамзина, поговорить с ним обо всем — от атамана разбойников Наполеона до атамана лириков наших... Почтенный автор занимается теперь царствованием Иоанна, но внимание его обращено и на новейшие события. Ему хочется написать историю войны 1812 года, и план уже готов в голове его: план превосходный. Я удивился искусству и точности, с коими он начертан. Главная цель автора есть вторжение французов в Россию и бегство их. Но что же привело их к нам? И с какими целями, с какими надеждами? — Для объяснения сего необходимо нужно начать с французской революции и вкратце показать ее последствия. Походы Суворова, Аустерлицкий, Фридланский, мир при Тильзите представлены глазам читателя в отдалении, как бы картины в волшебном фонаре. Но чем ближе к нашему времени, тем изображения становится яснее, обширнее, подробнее. Сильно и красноречиво будет описание сей достопамятной компании, если судить по жару, с каким Карамзин говорит об ней. Наконец, перенеся знамена русских за Неман, он опять сжимает, так сказать, свои изображения; краткими, но сильными чертами повествует подвиги в Германии и во Франции, и потом вдруг устремляет все лучи на взятие Парижа, на славное сие последствие 1812 года, который никогда не перестает быть главною его целью. — Для меня всего приятнее слушать умного и красноречивого человека, говорящего с жаром; никакие книжные фразы, на которых всегда приметна печать излишней выделки и обдуманности, не могут сравниться с простым сердечным жаром в разговорах...»^{xviii} Этот отрывок из письма позволяет уяснить общий композиционный замысел труда Карамзина. Чтобы понять, почему же этот план не был осуществлен, нужно еще раз вернуться к истории вопроса. К концу 1812–1813 гг. относится появление первых работ, посвященных Отчественной войне 1812 г., которые, несмотря на большой читательский спрос, были весьма поспешны и официальны. О своих задумках Н.М.Карамзин впервые упомянул в письме к императрице Марии Федоровне от 30 марта 1814 г. — еще до того, как ему стало известно о взятии союзными войсками Парижа и завершении войн с Наполеоном. «Хотелось бы мне...остаток моих способностей употребить на описание великих происшествий нашего времени»^{xix}.

20 апреля 1814 г. Н.М.Карамзин писал к И.И.Дмитриеву: «Думаем переехать в Остафьево, как скоро будет можно. Надеюсь там чить Василия Ивановича и прибавить главу о состоянии России, а после увидим. Мысль описать происшествия нашего времени мне довольно приятна; но должно знать многое, чего не знаю. Не возьмусь за перо иначе, как с повеления Государя. Не хочу писать для лавок: писать или для потомства, или не говорить ни слова»^{xx}. 11 мая в письме к Дмитриеву он пишет о своем решении: «Не имею нужды уверять тебя, какое живое участие беру в великих происшествиях...Я готов явиться на сцену со своею полушкою, и если буду жив, то непременно предложу усердное перо мое на описание французского нашествия, но мне нужно, любезный, сведения, без которых могу только врать; почему и буду просить их. Читал я Петербургские красноречия, и хотя не знаю, что ты думаешь, но соглашаюсь с тобою, доверяя твоему вкусу. Мы очень славны: авось будем и разумны; всему есть свое время. Я в бреду написал было несколько строф, но теперь не имею сил писать ни стихами, ни прозою»^{xxi}.

Последние строки относятся к стихотворению Карамзина «Освобождение Европы и слава Александра I»; в предисловии к отдельному изданию этого стихотворения Карамзин объявил о своем намерении изложить историю событий 1812–1814 гг. во всеуслышание. Без особого повеления Александра I, без разрешения пользоваться архивными материалами Карамзин не может взяться за перо. 20 октября 1814 г. он пишет брату В.М.Карамзину, что хотел описать историю «нашествия французов, но едва эта мысль исполнится по разным обстоятельствам»^{xxii}.

Можно сделать вывод, что Н. М. Карамзину не удалось добиться одобрения Александра I. Впрочем, к этому историк отнесся с философским спокойствием: «Живое движение, шум настоящего, близость предметов...История скромная и важная, любит безмолвие страстей...отдаленность и сумерки...то, что воспламеняет поэта, оратора, мешает историку»^{xxiii}.

Можно лишь предполагать, почему Карамзин не получил благословение Александра I. По всей вероятности, нужно обратиться к временам, предшествующим началу Отечественной войны 1812 г., а именно к истории появления записки «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Судьба этого произведения удивительна. Она имеет более чем вековую историю публикации, ей посвящено много отдельных исследований. В конце 1809 г. Карамзин познакомился с великой княжной Екатериной Павловной, вскоре посетил ее дворец в Твери, читал ей и великому князю Константину Павловичу главы из «Истории государства Российского». В 1811 г. Екатерина Павловна предложила ему пост губернатора в Твери. Карамзин отказался. В то время над ним сгустились тучи, против него настроен М.М.Сперанский. Попечитель Московского университета П.И. Кутузов в доносе писал: «Карамзин явно проповедует безбожие и безначалие. Не орден ему надобно бы давать, а давно бы пора его запереть, не хвалить его сочинения, а надобно бы их сжечь». В одном из доносов Карамзина объявили «французским шпионом»^{xxiv}. Еще при посещении в 1810 г. Твери по предложению вел. кн.Екатерины Павловны родилась идея написать записку «О древней и новой России». В письме от 5 января 1811 г. великая княжна пишет Карамзину: «С нетерпением ожидаю Вас и Россию». Историк не предполагал печатать свою «Записку». Карамзин почти никому не сообщал о ее создании, и до 1836 г. о ней практически никому не было известно. В феврале 1811 г. Карамзин отвез рукопись в Тверь. Чтение «Записки» продолжалось несколько дней, слушатели — Екатерина Павловна и Константин Павлович. Рукопись «Записки» (единственный подлинник) осталась в Твери. В марте 1811 г. Тверь посетил Александр I и ознакомился с «Запиской». К.С.Сербинович вспоминал: «Александр, прощаясь был холоден к Карамзину, прощаясь со всеми взглянул на него издали с равнодушием»^{xxv}.

Для Карамзина наступили годы опалы, хотя, возможно, относительной, о чем сам Карамзин писал неоднократно. В своем послании «Для потомства», изданном лишь в 1862 г., он резюмировал свои отношения с Александром: «Государь, я презираю сегодняшних либералистов, я люблю лишь ту свободу, которую никакой тиран не в силах у меня отнять...Я не нуждаюсь больше в Вашем благоволении...»^{xxvi} В этом же послании о беседах с Александром I он писал: «Читано Государю в тот же вечер. Я пил у него чай в кабинете, и мы пробывали вместе с глазу на глаз, пять часов, от осьми до часу за полночь. На другой день я у него обедал; обедал еще и в Петербурге...но мы душою

расстались кажется навеки»^{xxvii}.

В «Новом прибавлении» к «Посланию» историограф добавил: «Я ошибся: благоволение Александра ко мне не изменилось, и в течение шести лет (от 1819 до 1825) мы имели с ним несколько подобных бесед о разных важных предметах...»^{xxviii} Но очередному сближению (вернее, приближению) Карамзина к Государю предшествовали события, связанные с приездом историографа в Петербург по поводу издания «Истории государства Российского»; то-гда Александр в течение длительного времени не находил возможности встретиться с Карамзиным. В письме от 2 марта 1816 г. Карамзин писал: «Вчера, говоря с вел.кн. Екатериною Павловною, я только, что не дрожал от негодования при мысли, что меня держат здесь бесполезно и почти оскорбительным образом»^{xxix}.

В письме от 6–7 марта 1816 г. Карамзин возмущался: «Дей-ствительно ничего кроме нетерпения и негодования я не чувст-вую...»^{xxx}

Карамзину, по всей видимости, напоминали историю с «Запиской». Но вернемся к «Записке». Рисуя образ русских государей, Карамзин разбирал положительные и отрицательные стороны их государственной деятельности. И едва ли не самой безжало-стной оценке подверглась в «Записке» внутренняя и внешняя политика Александра I ^{xxxi}. «Едва ли кто-нибудь столь мало ослеплялся блеском венца и столь умел быть человеком на троне»,— писал об Александре I Карамзин. Одновременно, по его мнению, Александр I был человеком, лишенным государственных способностей, во всех начинаниях преследуемым неудачами.

«Имею нужду твердости духа, чтобы сказать истину: Россия наполнена недовольными, жалуются в палатах и хижинах; не име-ют ни доверенности, ни усердия к правлению, строго осуждают его цели и меры. Удивительный государственный феномен!»^{xxxii} Говоря о внешней политике, Карамзин критикует дипломатическую политику России, военные ошибки Александра I, критикует политику в поддержку Австрии, критикует Тильзитский мир: «Таким образом великие наши усилия, имев следствием Аустерлиц и мир Тильзитский, утвердили господство Франции над Европою и сделали нас через Варшаву соседями Наполеона».

А вот еще раз о внутренней политике, но по сути о том же — о беспокойстве за судьбу России: «Арсеналы наполняются ли пушками и ружьями на всякий случай? Слышу только, что славный Тульский завод приходит в упадок»^{xxxiii}. Вряд ли Александр I, прочтя все это в 1811 г. и одержав победу над Наполеоном в 1812–1814 гг., когда русские войска дошли до Парижа, предварительно оставив Москву, потеряв многих военачальников и т.д., мог поручить Карамзину писать капитальный труд, основанный на архивных документах, одной из центральных фигур которого была бы фигура самого Александра I. Ведь дотошный и честный историк не оставил бы в стороне вопроса о причинах отступления русской армии, о ее военных неудачах. Автор «Записки» не угодил в ссылку, но каждый раз, когда поднимался вопрос о назначении Карамзина на высокие должности — государственного секретаря, министра просвещения, президента Российской академии, — Александр I отклонял его кандидатуру. По мнению многих историков, опала с Карамзина была снята, когда Александр I въехал верхом на белом коне в Париж и возвратился домой, прославляемый поэтами. Но исследуя вопрос о том, почему Карамзин так и не осуществил своего плана описать события 1812–1814 гг., можно предположить, что Александр I не

прости́л Карамзину критику в свой адрес.

А.С. Пушкин назвал воззрения Карамзина парадоксальными. Но какими бы парадоксальными они нам ни казались, Карамзин никогда не изменял своему представлению о долге и собственному достоинству. Будучи официальным государственным придворным историографом, он так и не стал историографом при дворе Александра I.

Примечания

- ⁱ *Воейков А.Ф.* Дом сумасшедших: Парнасский адрескалендарь. М., 1911, с. 44.
- ⁱⁱ *Лотман Ю.М.* Избранные статьи: В 3 т. Т. 2. Таллин, 1992, с. 194.
- ⁱⁱⁱ *Пытин А.Н.* Общественное движение в России при Александре I. 4-е изд. СПб., 1908, с. 187.
- ^{iv} *Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. В 16 т. Т. 16. М., Л., 1949, с. 45.
- ^v *Пономарев С.* Материалы для библиографии литературы о Н.М. Карамзине: К 100-летию его литературной деятельности (1783–1883). СПб., 1883, с. VI–VII.
- ^{vi} *Воейков А.Ф.* Указ. соч., с. 12.
- ^{vii} Там же, с. 44.
- ^{viii} Воспоминания гр. А.Д. Блудовой. М., 1888, с. 29.
- ^{ix} *Погодин М.* Н.М. Карамзин по его сочинениям, письмам и отзывам современников: Материалы для биографии. В 2 ч. М., 1866, с. 141.
- ^x *Пономарев С.* Указ. соч., с. VI–VII.
- ^{xi} Там же, с. V.
- ^{xii} Николай Михайлович Карамзин: Указатель трудов, литературы о жизни и творчестве, 1883–1993/Науч. ред. А.А. Либерман; Ред.–сост. Т.К. Мищенко; Сост. Р.А. Писарева, В.С. Шишкина и др. ГПИБ (Рукопись).
- ^{xiii} *Карамзин Н.М.* Неизданные сочинения и переписка. СПб., 1862, с. 192–193.
- ^{xiv} *Пигарев К.В.* Неосуществленный замысел Карамзина // Роль и значение литературы XVIII века и истории русской культуры: К 70-летию со дня рождения П.Н. Беркова. М.; Л., 1966, с. 291–239. (XVIII век; Сб. 7).
- ^{xv} См.: *Тартаковский А.Г.* У истоков русской историографии. 1812 г. // История и историки: Историогр. ежегодник. 1978. М., 1981; *Он же.* 1812 год и русская мемуаристика: Опыт источниковедческого изучения. М., 1980, с. 67–95.
- ^{xvi} *Карамзин Н.М.* Указ. соч., с. 192–193.
- ^{xvii} См.: *Тартаковский А.Г.* У истоков русской историографии. 1812 г. // История и историки: Историогр. ежегодник. 1978. М., 1981, с. 80–84.
- ^{xviii} Там же, с. 292–293.
- ^{xix} Русская старина. 1898. № 10, с. 33.
- ^{xx} *Погодин М.* Указ соч., с. 115–116.
- ^{xxi} Там же, с. 116; См. также: Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву. СПб., 1866, с. 170.
- ^{xxii} Атены. 1858. № 4, с. 542.
- ^{xxiii} *Грот Я.К.* Очерк деятельности и личности Карамзина. СПб., 1867, с. 24, 57.
- ^{xxiv} *Сегень А.Ю.* История создания и публикации трактата «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях» // Лит. учеба. 1988. № 4, с. 132–142.
- ^{xxv} Там же, с. 140.
- ^{xxvi} *Карамзин Н.М.* Указ соч., с. 9.
- ^{xxvii} Там же, с. 9–10.

---

^{xxviii} Там же, с. 11.

^{xxix} *Погодин* М. Указ соч., с. 14.

^{xxx} Там же, с. 149.

^{xxxi} Тверская старина. 1995 .№ 2, с. 31.

^{xxxii} Там же.

^{xxxiii} О записке «О древней и новой России...» см. также: *Лотман Ю.М.* «О древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях Карамзина» — памятник русской публицистики начала XIX в. // *Лотман Ю.М.* Избр. статьи: В 3 т. Т. 2. Таллин, 1992, с. 194–201; *Альтман М.М.* Публикация «Записки о древней и новой России» Н.М. Карамзина и царская цензура // *Вопр. истории.* 1982. № 4, с. 170–174 и др.